

*Сергей
Саканский*

**Друг мой
сыщик**

ЧУЖАЯ РУКА

Классический
детектив

Друг мой сыщик

Сергей Саканский

Чужая рука

«Автор»

2010

Саканский С. Ю.

Чужая рука / С. Ю. Саканский — «Автор», 2010 — (Друг мой сыщик)

Это странное преступление в свое время так поразило нобелевского лауреата Иосифа Бродского, что он даже написал поэму, которая, впрочем, еще больше запутала вопрос... Человек был случайно застрелен на улице: подросток стащил у соседа пистолет, вышел в ночной город и сгоряча нажал на курок... Казалось бы, ясная история, но следователь Пилипенко и независимый журналист Жаров, озадачены тем, что убитый был не кем иным, как соперником в любви того самого человека, отставного капитана, у которого было украдено оружие. Уж не заказное ли это убийство? Не стал ли пятнадцатилетний парень просто-напросто киллером, да и чей он выполнил заказ – капитана или его невесты? И при чем тут магия вуду, а именно: как глиняная фигурка, изображающая убитого, связана с реальными событиями?

© Саканский С. Ю., 2010

© Автор, 2010

Сергей Саканский

Чужая рука

Классический детектив

На обложке: памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея. **Жанровая картинка:** памятник Чехову в Томске. Автор – Леонтий Усов. В произведении использованы мотивы поэмы Иосифа Бродского «Посвящается Ялте».

Весь день моросил редкий осенний дождь, Жаров поглядывал в окно, на черный, мокро блестящий памятник Лесе Украинке, которая, казалось еще больше сгорбилась под ненастьем. Жаров был рад, что не надо сегодня выходить на улицу. Он сидел в редакции и слушал записи допросов – те, что Пилипенко занес ему утром. Это был, наверное, первый случай, когда друг обратился к Жарову с прямой просьбой помочь в расследовании, которое сразу зашло в тупик и скрывало какую-то дьявольскую, совершенно немыслимую тайну.

Несколько дней назад на Цветочной улице был найден труп с единственным огнестрельным ранением в область сердца. Рано утром его обнаружила дворничиха: человек лежал в сточной канаве, куда, похоже, и упал, отброшенный выстрелом в упор.

Никаких следов рядом не было, да и быть не могло, потому что в субботу, когда этот человек был застрелен, шел точно такой же дождь, что и сегодня.

Личность убитого выяснили сразу, проверив мобильный телефон, который лежал в его кармане – это был Лазарев Михаил Семенович, тридцати пяти лет, по профессии художник. Он жил довольно далеко от места, где был найден, и непонятно, как мог оказаться здесь.

Опросили навскидку жителей окрестных домов и действительно: около девяти вечера на Цветочной улице прогремел одинокий выстрел. Все, впрочем, решили, что это мальчишки взорвали петарду. Однако, один из свидетелей, пенсионер МВД, показал, что сразу узнал «знакомый голос парабеллума». Он даже вышел на улицу и осмотрел окрестности, но ничего подозрительного не увидел. Это и понятно: улица плохо освещена, многие фонари разбиты, а труп лежал за кромкой тротуара.

Для допросов в управление были вызваны люди, так или иначе общавшиеся с Лазаревым, в частности, его любовница и любовник этой любовницы. Запутано, конечно. Но жизнь, вообще – сложная штука.

Лазарев был холост и существовала женщина, с которой он встречался. У этой женщины был другой мужчина, отставной военный, с которым она встречалась наряду с Лазаревым. Классический любовный треугольник. И пуля, застрявшая в сердце.

Прослушав записи допросов в первый раз, Жаров не поверил свои ушам. Судя по показаниям, Лазарева покарало не что иное, как сама рука судьбы...

* * *

Сначала говорила женщина, Лиля Косарева. Жаров не был с нею знаком, но знал ее, поскольку это была актриса, которая играла в театре, снялась в двух сериалах и часто мелькала на всяких празднествах и презентациях, куда Жарова тоже приглашали как журналиста. Иногда он думал о ней, но так, чисто теоретически: вот, может быть, когда-нибудь... Ничего серьезного, никаких определенных намерений.

Конечно, и актриса заочно знала Жарова, хоть они и не были официально представлены друг другу. Наверняка ей попадался на глаза «Крымский криминальный курьер», возможно, она читала написанные журналистом слова.

Жаров перемотал пленку в начало, немного прибавил громкость и запустил опять.

– Как часто вы виделись с убитым? – спросил следователь.

– Последний год я с ним редко виделась, – помедлив, ответила Косарева. – Он приходил ко мне два раза в месяц. Иногда и реже. А в октябре совсем не приходил. Обычно он предупреждал заранее, телефонным звонком. Примерно за неделю. Чтобы не случилось путаницы.

– Что вы имеете в виду под путаницей?

– Не совсем то, о чем вы подумали. Хотя и это тоже. Я, вы знаете, работаю в театре. Там вечно неожиданности. Вдруг заболит кто-нибудь, сбежит на киносъемку – нужно заменить. Ну, в общем, в этом духе. И к тому же, он, конечно, знал, что у меня теперь...

– Другой человек. Парщиков Илья Сергеевич, капитан запаса, сотрудник охранной фирмы.

– Да, верно. Но откуда вам известно? А впрочем, это ваше амплуа. Но то, что есть теперь, ну, это, в общем, серьезно. То есть я хочу сказать, что это...

– Ваша свадьба назначена на пятое ноября.

– Да. И, несмотря на это, я с ним встречалась. Как вам объяснить... Он, видите ли, был довольно странным и непохожим на других.

– Все люди друг на друга непохожи, – сказал Пилипенко, и в его голосе послышалась странная неслужебная нотка.

– Но он был непохож на всех других! – парировала актриса и – ясно по звуку – шлепнула ладошкой по столу.

Конечно, неприятно, подумал Жаров, слышать что-то такое от женщины, тем более, красивой... Следователь тоже человек, тоже мужчина. Холостой и вообще одинокий, как и сам Жаров.

– Да, это в нем и привлекало меня, – произнесла Косарева после паузы. – Когда мы были вместе, все вокруг переставало существовать, – вдруг разоткровенничалась она.

Следователь молчал, Жаров слышал, как он шелестит на столе бумагами.

– Да, именно поэтому я с ним и не порвала, как появился другой, – продолжала женщина. – А во имя чего, простите, следовало мне расстаться с ним? Во имя капитана? А я так не считаю. Теперь его убили. А я все еще думаю, что непохожа на других... Мы ведь ничего не знаем, пока мы думаем, что неповторимы, правда?

– Мы уклонились, – сухо сказал Пилипенко. – Где вы были вечером второго октября?

– В кино.

– Одна или с кем-то?

– Да с капитаном же, с кем еще! С Парщиковым Ильей Сергеевичем.

– В каком кинотеатре?

– В «Спартаке».

– Как назывался фильм?

– Не помню. Послушайте. Спросите капитана, у него память военная. Хоть он и был контужен в Афгане. Он даже кричит во сне, разговаривает...

Женщина вдруг замолчала. Молчал и Пилипенко. Жаров слышал лишь гуденье диктофона, ему казалось, что он видит, как нахмурился следователь, о чем-то напряженно думая.

– Ну, хорошо, – Пилипенко продолжил, наконец, допрос. – Вышли вы из кинотеатра, что было дальше?

– Сели в машину. В его, капитана, машину. Марки я не знаю, не разбираюсь в них. Дальше рассказывать?

– Почему бы и нет?

– Ну, потом мы поехали ко мне и трахнулись. Вам интересно? У меня, знаете ли, удобнее. А у него соседи. А я, понимаете, гражданин следователь, очень громко кричу.

Было слышно, как несчастный Пилипенко сглотнул, как снова зашелестел бумагами. Конечно же, ему частенько приходится выслушивать подобные вещи.

– Что было потом?

– Потом? Разве вас не интересуют подробности? Того, что было у меня дома? Впрочем, простите, чего это я разговорилась... Потом он сел в свою машину, которой марки я не ведаю, и уехал домой.

– В котором часу?

– Думаете, я знаю? Часу, может быть, в одиннадцатом.

* * *

Жаров остановил диктофон. Если выстрел на Цветочной улице прогремел в девять, о чем показали несколько человек, то ни Косарева, ни капитан не могли быть убийцами.

– Так вы считаете, что я обязан давать вам объяснения? – голос капитана Парщикова открывал следующий фрагмент записи. – Ну, что ж, обязан так обязан. Но учтите: я вас разочарую, поскольку мне известно о нем безусловно меньше, чем вам. Хотя того, что мне известно, достаточно, чтобы сойти с ума. Вам это, думаю, не грозит, поскольку вы...

– Давайте не будем обсуждать обстоятельства, которые не касаются дела, – скороговоркой прервал его Пилипенко.

Слушая это место во второй раз, Жаров снова усмехнулся: больше всего на свете его друг боялся сойти с ума и закончить свои дни в симферопольской психушке – как раз по причине ежедневного общения с такими людьми.

– Похоже, вы не очень хорошо относились к погибшему?

– Совершенно верно: я ненавидел этого субъекта. Причины вам, я думаю, ясны. А если нет – бессмысленно вдаваться в объяснения. Тем более что вас интересуют факты. Так вот: я признаю, что ненавидел.

– Ваша ненависть – это не факт. Ненависть, сама по себе, не может убить. Вы с ним были знакомы? Насколько коротко?

– Нет, мы с ним не были знакомы. Я знал, что у нее кто-то бывает. Но не знал, кто именно. Она, конечно, ничего не говорила. Но я-то знал! Чтоб это знать, не нужно быть Шерлок Холмсом, вроде вас. Вполне достаточно обычного внимания.

– Где вы были в субботу вечером?

– В кино. А потом я отвез ее домой.

– Вы заходили к ней?

– Нет. Довез до дома, а потом поехал к себе.

Пауза. Жаров хорошо понял ее смысл: следовательно только что поймал Парщикова на легкой лжи и, скорее всего, внимательно всматривался в его лицо, чтобы, подобно детектору, определить сам портрет лжи для данного человека, на будущее.

– Хотите правду? – голос Парщикова стал громче, вероятно, он подался вперед над столом. – Когда я узнал об этом убийстве, то до известной степени был рад. Иначе все могло тянуться вечно, и всякий раз после его визитов она была немного не в себе. Теперь, надеюсь, все пойдет как надо. Сначала будет малость тяжело, но я-то знаю, что в конце концов убитых забывают, и к тому же мы, видимо, уедем. У меня мать в Киеве, двухкомнатная квартира. Лилю возьмут в любой театр, а я как-нибудь устроюсь. Возможно, мы с ней заведем ребенка. Я – хахаха! – как видите, еще...

– У вас есть пистолет? – вдруг перебил Пилипенко.

– Да, я имею личное оружие и разрешение на него.

– Какая система?

– Парабеллум, калибр семь шестьдесят пять.

Пауза. Похоже, что-то в лице следователя насторожило Парщикова, и он спросил, уже тоном ниже:

- А что? Что вы на меня так смотрите? Этот человек был застрелен из... чего?
- Мы должны осмотреть ваше оружие, – сухо сказал Пилипенко. – Где вы его храните?
- Дома, в столе.
- Просто в ящике стола?
- Не просто. Согласно инструкции, деревянный ящик стола изнутри обит жестью.
- А ящик заперт?
- Разумеется.
- Ключ вы носите с собой?
- Нет, это нецелесообразно. Ключ я храню в комнате, но никто не знает, где именно.
- Кто, кроме вас имеет доступ к вашей комнате?
- Никто.
- А у Косаревой нет ключей?
- При чем тут она? Как вы можете ее подозревать?
- Я всего лишь задаю вопрос, насчет ключей.
- Да нет у нее ключей! Она редко бывает в моей берлоге.
- Соседи?
- А что соседи? Вы, хотите сказать, хозяйка... Я ведь эту комнату снимаю. А квартира у меня в Киеве, я уже говорил. У хозяйки, конечно, есть ключи от комнаты.
- Какая у хозяйки семья?
- Двое – она и сын. Лет четырнадцати, восьмиклассник.

И тут раздался звук, которого Жаров в первый раз не заметил, звук, не вызывающий сомнения в своей природе – это был короткий и резкий щелчок пальцами.

Именно так Пилипенко всегда и щелкал, если ему приходила в голову какая-то решающая мысль. Жаров прекрасно понял, что произошло: следователь, уже настроив свой внутренний детектор по первому разу, снова почувствовал в словах допрашиваемого ложь.

* * *

Жаров уже знал, что парабеллум Парщикова был проверен, и эксперт-криминалист Леня Минин вынес безусловное заключение: Лазарев был убит именно из этого оружия. Но весь абсурд ситуации заключался в том, что и Парщиков, и Косарева в момент убийства были еще в кинотеатре. И дело не только в их показаниях, верить которым не обязательно, поскольку они оба могли быть сообщниками. Проблема в том, что сотрудники «Спартак», хорошо знающие актрису, подтвердили, что видели ее в кинозале, видели, как после сеанса, который закончился в девять ноль пять, она выходила на улицу с человеком, по описанию похожим на Парщикова.

(Слушая запись в первый раз, Жаров нажал на этом месте паузу. Мысль, пришедшая ему в голову, была фантастичной, но, тем не менее, объясняющей все. Почему никто не догадался сделать очную ставку Парщикову с сотрудниками кинотеатра? Точно ли с Косаревой был капитан запаса, а не его двойник? А сам Парщиков в это время преспокойно застрелил Лазарева. Или даже еще пуще: двойник в кинотеатре был, но не Парщикова, а Косаревой. В сущности, у этой красавицы вполне типичное лицо, таких красавиц много...)

Зато первоначальное предположение следователя, как он сообщил Жарову, принесся ему кассету, было столь же закономерным, сколь и абсурдным – вот до чего доводит крепкая материалистическая закуска! Если Парщиков ненавидел Лазарева, имел мотив для убийства, но лично убить не мог, то это значит только одно: Парщиков нанял киллера, а сам обеспечил себе алиби. Но как это можно, спрашивается, нанять киллера, вручив ему свой собственный писто-

лет? Жаров не мог допустить, что капитан запаса Парщиков был идиотом. Впрочем, идиотом не был и следователь Пилипенко, но все же версию о киллере пока в уме держал...

Работая с милицией уже много лет, журналист всегда пытался нащупать какую-то мистическую мысль. Так человек, мечтающий увидеть летающую тарелку, чаще других поглядывает на небо. Каждое новое дело несло в себе некую замысловатую тайну, но раскрывалось самым обычным образом. И вот, сейчас, похоже, они подошли к двери в неведомый мир так близко, как никогда раньше.

Материалистическая версия Пилипенки была разбита в пух и прах – записью следующего допроса, как и версия Жарова о двойниках. У него замирало в груди, когда он слушал запись впервые. Это ощущение не проходило и теперь...

Пилипенко допрашивал соседского мальчика. Его звали Митя Суворов, он был сыном хозяйки и дружил с жильцом, как может дружить четырнадцатилетний мальчишка с настоящим офицером средних лет.

– В тот вечер дядя Илья уехал, – рассказывал он. – Долго одевался, брился, надушился весь. Я понял, что он поехал к своей невесте, а это надолго. Ну, и...

Мальчик замолчал. Пилипенко подбодрил его:

– Расскажи всю правду, ладно? Если расскажешь, то тебе, может, ничего и не будет, потому что ты еще несовершеннолетний, – соврал он для пользы дела.

– Правда, ничего?

– Правда-правда, – скороговоркой ответил Пилипенко.

Жаров знал, что подобные игры даются его другу нелегко.

– Короче, я взял у дяди Ильи пистолет. Из ящика, я знал, где он прячет ключ. Это такой уступ под потолком, там при царе была печка. И все наши жильцы прятали свои ценные вещи именно там. Я просто так взял пистолет, я не хотел ни в кого стрелять. Пошел в город. С оружием, оказывается, идти совсем по-другому, чем без оружия. А тут он. Я подумал – бомж какой-то. Я спросил у него закурить. Мне не хотелось курить, но просто... Не знаю. Но там, в порту, везде огни и светлячки на рейде... И здесь бы тоже... Нет, я не могу как следует все это... А он меня послал. Сами знаете, куда. Я выхватил пистолет, говорю: курить, быстро! А он меня еще обозвал и руку к пистолету протянул. И я нажал на курок. Я не хотел. И сразу побежал. А его от выстрела прям отбросило, как в кино.

– Нехорошо стрелять в людей, Митя, – назидательно сказал Пилипенко. – А потом что ты сделал?

– Пришел домой, положил пистолет обратно в ящик. Запер и ключ положил на место. Ну, потом я лег спать. Никому не рассказал. А как вы узнали?

– Ты все это подпиши и иди домой.

– А как вы узнали-то? – повторил мальчик.

– Да как, как... Вот, сейчас, от тебя и узнали. Иди домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.